

### Примечания

1. Гашева Н. Стилиевые очертания поэзии серебряного века и поэзии барокко // XX век. Литература. Стил. Стилиевые закономерности русской литературы XX века (1900 – 1950). 3 выпуск. Екатеринбург, 1998. С.40.
2. Софронова Л.А., Липатов А.В. Барокко и проблемы истории славянских литератур и искусств // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С.8.
3. Гоголь Н.В. Петербургская сцена в 1835–36г. // Гоголь Н.В. Собр. соч. в 7 т. М., 1985. Т.6. С.451.
4. Золотусский Игорь. Поэзия прозы. Статьи о Гоголе. М., 1987. С.7.
5. Гоголь Н.В. Развязка «Ревизора» // Гоголь Н.В. Собр. соч. в 7 т. М., 1985. Т.4. С.350.
6. Софронова Л.А. Принцип отражения в поэтике барокко / Барокко в славянских культурах. С.79.
7. Гоголь Н.В. Ревизор. // Гоголь Н.В. Собр. соч. в 7 т. М., 1985. Т.4. С.90.
8. Вишневская И.Л. Гоголь и его комедии. М., 1976. С.156.
9. Маркович В.М. Комедия Гоголя «Ревизор» // Анализ драматического произведения. Л., 1988. С.154.
10. Гоголь Н.В. Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору // Гоголь Н.В. Собр. соч. в 7 т. М., 1985. Т.4. С.333.
11. Морозов А.А. Маньеризм и барокко как термины литературоведения // Русская литература. 1966. №3. С.40.
12. Барабаш Ю. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. М., 1995. С.125.

© А. А. Балдин  
Екатеринбург

### ЧЕМ ЛЮДИ ЖИВЫ (НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМАТИКИ И ПОЭТИКИ НАРОДНЫХ РАССКАЗОВ Л.Н. ТОЛСТОГО)

В чем заключается смысл человеческого существования? – Эта проблема всегда находилась в центре внимания всего человечества, она волновала и будет продолжать волновать каждого отдельного человека. В особенности это касается христианства, которое, вступая в третье тысячелетие, вновь взывает к душе человека, обращает его к вечным своим ценностям.

Огромную роль в духовном воспитании личности сыграла и русская литература: «Совесьть утверждалась нашими писателями как основная мера всех вещей. Не внешний жизненный успех, безбедное благополучие

– что в литературах западных утверждалось как идеал всех стремлений людей – но совесть как основа основ человеческого бытия», – справедливо утверждает М. Дунаев в своей книге «Православие и русская литература» (1996).

На рубеже 80-х годов XIX века происходит коренная перемена всех прежних взглядов Л.Н. Толстого. Увидев бессмысленность жизни, писатель пытается найти выход из своего духовного тупика. В 1879 году он приступает к изложению своих новых воззрений, которые были объединены в работе под общим названием «Исповедь». После долгих размышлений над жизнью, он приходит к важному для себя выводу: «Задача человека в жизни – спасти свою душу; чтобы спасти свою душу, нужно жить по-божьи, а чтобы жить по-божьи, нужно отречься от всех утех жизни, трудиться, смиряться, терпеть и быть милостивым». Но человеку, вставшему на путь истины, необходим какой-нибудь духовный наставник. Для Л. Толстого таким духовным наставником стал простой русский народ-труженик: «А эти дураки – огромные массы простых людей – ничего не знают насчет того, как все органическое и неорганическое устроено на свете, а живут, и им кажется, что жизнь их очень разумно устроена!» И далее он замечает: «Эти люди живут, страдают и приближаются к смерти с спокойствием, чаще же всего с радостью. И все они... знали смысл жизни и смерти, спокойно трудились, переносили лишения и страдания, жили и умирали, видя в этом не суету, а добро».

Этот вывод очень важен для определения характера позднего творчества писателя. Нужно заметить, что еще в 1872 году художник в одном из своих писем характеризует современную ему литературу как «упадок поэтического творчества всякого рода». Он называет этот упадок «смертью с залогом возрождения в народности» и там же признается, что надеется участвовать в «выплывании» той линии, которая пошла в изучение народа. В 70–80-е годы он с огромным энтузиазмом отдается созданию литературы для народного чтения. Писателя заботило прежде всего «выражение в художественных образах учения Христа, ...чтобы можно было прочесть эту книгу старику, женщине, ребенку и чтоб тот и другой заинтересовались, умилились и почувствовали бы себя лучше». Поэтому народные рассказы Толстого написаны общедоступным, простым языком. Своим содержанием они должны были подтвердить справедливость того религиозно-нравственного учения, проповедником которого Толстой стал, начиная с 80-х годов. В содержании и стиле народных рассказов переплетаются традиции устного народного творчества и древнерусской литературы.

Основная проблема в рассказе «Чем люди живы» (1881) показана автором уже в названии произведения. Народная правда и мудрый образ жизни русского мужика находятся в центре внимания

художника. Несмотря на бедность и невзгоды, семья сапожника Семена не жалуется на судьбу: «Живы будем, сыты будем», – говорит Семен. Без средств к существованию, в трудное для его семьи время, он спасает наказанного ангела: «Стал уж проходить часовню, да зазрила его совесть... «Человек в беде помирает, а ты заробел, мимо идешь. Али даже разбогател? Боишься, что ограбят богатство твое? Ай, Сема, неладно!»» Толстой указывает, что простой русский человек способен к состраданию, то есть может принять чужую боль как свою. Любовь его во многом и опирается на сострадание и милосердие.

Смерть, являясь антитезой жизни, также часто служит толчком к пробуждению сознания героя, к его нравственному очищению. «Утиши ты свое сердце. Грех, Матрена. Помирать будем», – говорит Семен жене. «И жалко стало Матрене странника, и полюбила она его».

А вот Пахом из рассказа «Много ли человеку земли нужно» (1886) не побоялся смерти и божьего наказания за свою алчность – и умер: слишком много он намерил себе земли, чтобы хорошо и безбедно жить в этом мире. Вот за это он и был наказан Богом. Вместо земного благополучия «работник... выкопал Пахому могилу, ровно насколько он от ног до головы захватил – три аршина, и закопал его». Неразумность и жадность Пахома поощряются чертом: «Ладно, думает, поспорим мы с тобой; я тебе земли много дам. Землей тебя и возьму».

Антитезой «добро-зло» в народных рассказах Толстого как бы задаются определенные пространственные рамки: зло посредством внешних обстоятельств постепенно сужает пространство окружающего мира вокруг человека, а добро расширяет. Зло делает тесным и внутренний мир героя: его душа опустошается, им начинает всецело управлять какая-нибудь одна страсть. В случае с Пахомом – это жадность. Добро же раздвигает границы души, не только обогащая ее духовно, но и как бы позволяя проникнуть в таинство божественного провидения: «И запел ангел хвалу богу, и от голоса его затряслась изба. И раздвинулся потолок, и встал огненный столб от земли до неба» («Чем люди живы»).

Явлением замедления и ускорения можно охарактеризовать категорию времени в рассказах. От подробного, хронологически замедленного, описания одного из самых значительных дней в жизни Семена (когда он спасает ангела) автор постепенно начинает ускорять темп времени: «День ко дню, неделя к неделе, вскружился и год». И затем: «Прошел и еще год, и два, и живет Михайла уже шестой год у Семена». Время летит незаметно, и это является признаком душевного равновесия героев. Человеку не следует предугадывать свое будущее, так как он не может знать, что ему уготовано судьбой. Ангел говорит: «Припасает себе человек на год, а не знает, что не будет жив до вечера». Вот почему Бог заставляет ангела узнать, что «не дано людям знать, чего им для своего тела нужно». Увидев девочек-сирот, ангел понимает: «...жив всякий человек не заботой о

себе, а любовью». Любовь оказывается не только шире и значительней любых внешних и внутренних, духовных границ, – она способна совладать и со временем, возвести человеческую жизнь в разряд категорий вечного. Не случайно в конце рассказа ангел заключает: «Кто в любви, тот в божестве и бог в нем, потому что бог есть любовь». С постижением этой истины для человека утрачивается самоценность земного бытия, а пространственные и временные рамки перестают сковывать его волю – он входит в жизнь вечную.

Происходит и обратное: земная жизнь может превратиться в страшную душевную муку, в тягостное и безвыходное существование, если человек сбился с истинного пути. Время в таком случае катастрофически замедляется, а пространство сужается. Пока лежал Пахом на печи («Много ли человеку земли нужно»), он не чувствовал бег времени: Пахом просто был вписан в привычный крестьянский уклад жизни. Но стоило ему захотеть «земли вволю», время начало замедляться. К концу рассказа оно почти остановилось. Последний день жизни Пахома превратился в нескончаемую душевную пытку. Не случайно автор так напряженно концентрирует свое внимание на переживаниях героя: «Бежит Пахом, рубаха и портки от пота к телу липнут, во рту пересохло. В груди как мехи кузнечные раздуваются, а в сердце молотком бьет, и ноги как не свои – подламываются. Жутко стало Пахому...» Автор даже использует эпитет «кровавое солнце», чтобы подчеркнуть страх героя. Пагубная страсть доводит его до роковой черты: стремление Пахома отхватить «палестину большую» в результате привело его к гибели. И хватило ему земли всего только в «три аршина».

Если Достоевского «герой интересуется как особая точка зрения на мир и на себя самого» (М. Бахтин), то Толстого, несомненно, герой интересуется как объект продвижения авторских взглядов. Это роднит Толстого, быть может, бессознательно, с авторами летописей и исторических произведений Древней Руси, так как главный толстовский тезис «не в силе бог, но в правде» являлся одним из основных законов древнерусской литературы: «На современном языке это означает: побеждает правый... И победа правого не всегда внешняя, но всегда моральная» (Д.С. Лихачев). То, к чему стремится писатель, выражено им уже в эпиграфе рассказа «Чем люди живы» строками из Библии: «Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиной». Творчество позднего Л.Н. Толстого служит не занимательности сюжета, оно не перенасыщено художественными средствами. Его предназначение – служить делу увеличения в душах людских добра и любви.

Для воплощения народной «высшей правды» толстовской поэтике более всего подходят лаконизм языка повествователя, «умение обрисовать внешний и внутренний облик героя несколькими чертами, присущими именно простым людям» (Е. Андреева). Герои Толстого говорят на своем, привычном для них языке. В стиль писателя проникает в большом

20

количестве простонародная лексика. Язык прост – и в то же время выразителен, во многом благодаря фольклорным элементам. Матрена говорит: «Видно, пословица не мимо молвится: без отца, матери проживут, а без бога не проживут». Или Семен афористично замечает, что «брюхо хлеба просит, а голое тело одежи». Этот безыскусный, на первый взгляд, а порою и грубый, язык помогает точнее обрисовать характеры персонажей. Семен удивляется при виде сытого и ухоженного барина: «...морда красная, налитая, шея как у быка, весь как из чугуна вылит». Речь крестьян тяготеет к созданию выразительных образов, окрашенных в экспрессивно-оценочные тона. Про барина Семен говорит: «Ну уж кремняст. Этого долбней не убьешь. Косяк головой высадил, а ему горя мало». А Матрена тут же замечает: «Этакого заклепа и смерть не возьмет». В этих словах проявляется уже не только их наблюдательность, но и та самая «народная правда»: нельзя одному человеку иметь слишком много, а другому – не иметь ничего. Перед Богом люди равны. Пахом навлек на себя не только божий гнев, но и народное осуждение: «Поссорился Пахом и с судьями и с соседями. Стали ему и красным петухом грозиться... Стало Пахому в земле жить просторней, а в миру теснее».

Автор включает в свои народные рассказы образы Бога и дьявола. Бог посылает вынуть из женщины душу ангела, которого он потом наказывает за непослушание («Чем люди живы»). А дьявол является во сне Пахому: «И видит Пахом, что будто и не мужик это, а сам дьявол, с рогами и с копытами, сидит, хохочет» («Много ли человеку земли нужно»).

Силы зла могут быть представлены и в образе «мертвого духа», который вселяется в человека и придает его лицу страшный вид. Он также идет изо рта, как это случилось с Матреной: «...и я не мог продохнуть от смрада смерти», – говорит ангел. Но бог изгоняет мертвый дух и сам отражается в лице Матрены: «И когда она подала нам ужинать, а сама глядела на меня, я взглянул на нее – в ней уже не было смерти, она была живая, и я и в ней узнал бога».

Пожалуй, самым распространенным персонажем, представителем нечистой силы, является в рассказах черт. Он следит за течением крестьянской жизни и за грехами человеческими. В нужный момент, благодаря стараниям черта, в мир людей врывается некая таинственная, злая сила, которая приводит в хаос весь установленный миропорядок. Черт дурачит людей, смеется над ними. Развитие сюжета представляет собой все более очевидное столкновение двух миров – земного и небесного, где борьба происходит между двумя основными противниками – Богом, который часто предстает в виде отвлеченных понятий (добро, любовь, порядок), и дьяволом, который олицетворяет собой зло, ненависть, насилие, хаос.

На сюжетно-композиционном уровне народные рассказы очень на-

поминают христианскую легенду, где добро побеждает зло, заставляя человека пройти сначала три основные стадии духовного развития: 1) безверие, 2) страх перед смертью, 3) прозрение и обретение блага.

Черт может провоцировать и комическую ситуацию, которая не так уж часто встречается в народных рассказах. В рассказе «Как чертенок краюшку выкупал» (1886) он научил мужика из лишнего хлеба делать вино: «Выпили мужики по другому стаканчику, стала у них речь погромче и поглубже. Вместо масленных речей стали они ругаться, стали друг на дружку обозляться, сцепились драться, исколупали друг дружке носы. Ввязался в драку и хозяин, избили и его». Даже в этой ситуации юмор Толстого приобретает нравоучительный характер. И чем острее он становится, тем больший нравственно-воспитательный смысл в него вложен: «Вышел провожать гостей хозяин, упал носом в лужу, измазался весь, лежит как боров, хрюкает». И черт говорит: «Теперь только бы вино пил, всегда зверем будет».

Главной объединяющей идеей народных рассказов Толстого служит мысль о подлинной, деятельной любви к ближнему: «Я понял, – объясняет ангел, – что бог не хотел, чтобы люди врозь жили, и затем не открыл им того, что каждому для себя нужно, а хотел, чтоб они жили заодно, и затем открыл им то, что им всем для себя и для всех нужно» («Чем люди живы»). Такое определение и является, по сути, основой для построения «царства божьего на земле», о котором мечтал Л. Толстой. Это и есть его завет нам – людям, стоящим на пороге XXI века и третьего тысячелетия.

© О.В. Барский  
Омск

#### О РОЛИ МОТИВА НЕУДОВЛЕТВОРЕННОГО ЖЕЛАНИЯ В СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЭМЫ А.С. ПУШКИНА «РУСЛАНИ И ЛЮДМИЛА»

Ж.-Ф. Жаккар в работе, посвященной анализу эротической темы в пушкинской поэме, отмечает, что желание Руслана является здесь фабульной мотивировкой<sup>1</sup>. Этот мотив, действительно, играет важную роль в пушкинском произведении. Как пишет А.Н. Архангельский, «все последующие [за похищением Людмилы. – О.Б.] подвиги Руслана <...> обретают веселую двусмысленность; он жаждет освободить Людмилу из плена, но в то же время стремится довершить начатое в опочивальне, вернуться к прерванным «восторгам»<sup>2</sup>. Однако фабула поэмы типично сказочная, и подвиги Руслана, несмотря на эту двусмысленность, внешне ничем не отличаются от подвигов других сказочных богатырей. «В сказке и авантюрном повествовании, – указывает Ю.В. Шатин, – каж-

22